

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.022

УДК 1 (091)

*А. А. Ермичев**

КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ РОССИИ — СССР В ЖУРНАЛАХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (о проекте издания)**

Статья имеет целью объяснение мотивов издания библиографического указателя «Культура, наука и образование в Советской России — СССР (1920–1940 гг.). Указатель статей, заметок и рецензий в семи журналах русского зарубежья». Сначала подчеркнута тривиальная задача необходимости обращения к истории, далее дается краткая социально-культурная характеристика русского беженства, возникновение его журналистики, формировавшей единое социально-культурное пространство «второй» России. Характеризуются содержательные особенности семи русских журналов и их политическая позиция в отношении СССР. Объясняются особенности построения предметного указателя, в котором сочетаются философско-культурный и историософский подходы с культурологическим.

Ключевые слова: Россия, СССР, революция, эмиграция, божество, журналистика, Русская мысль, «Воля России», «Современные записки» и «дочерние» предприятия журнала «Русская школа за рубежом», историософия России.

A. A. Ermichev
CULTURE OF SOVIET RUSSIA — USSR
IN THE MAGAZINES OF THE RUSSIAN EMIGRATION
(about the project of the publication)

The article aims to explain the motives for publishing the bibliographic index «Culture, science and education in Soviet Russia — USSR (1920–1940) Index of articles, notes and reviews in seven journals of the Russian diaspora» First emphasizes the trivial task of the need to turn to history, then gives a brief socio-cultural characteristics of Russian refugees,

* Ермичев Александр Александрович; доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

the emergence of its journalism, which formed a single socio-cultural space of the «second» Russia. The article describes the content features of seven Russian journals and their political position in relation to the USSR. The features of the construction of the subject index, which combines philosophical, cultural and historiosophical approaches with culturological ones, are explained.

Keywords: Russian, USSR, revolution, emigration, divinity, journalism, Russian thought, «Will of Russia», «Modern notes» and «subsidiaries» of the journal «Russian School abroad» historiosophy of Russia.

Издательство Русской Христианской Гуманитарной академии подготовило библиографический указатель статей, заметок и рецензий в семи журналах русского зарубежья — тех из них, в которых с разной степенью объективности и обстоятельности рассказывается о культуре, науке и образовании в Советской России — СССР межвоенного времени 1920–1940 гг.

Субъективизм предпринятого издания очевиден. Неужели только в этих журналах печатались статьи и заметки о культуре в СССР? Да и возможно ли извлечение отдельной статьи из органики журнала?

С таким обстоятельством придется смириться. Составитель указателя не предлагает дороги, а только указывает: здесь ищите, и, обладая каким-то знанием, сумеете им воспользоваться.

Учитывая это обстоятельство, составитель воспользовался правом пояснить необходимость предлагаемого издания.

* * *

Двадцатое столетие для России — противоречиво, катастрофично, тревожно. Четыре революции, две мировые войны. А тогда же русский народ и иные народы России возводили здание коммунистической цивилизации, призванной стать стартовой площадкой для всего человечества, для его перехода в царство свободы. Не может быть, чтобы Создатель благожелательно не следил за Россией — СССР благожелательно — иначе мы погибли бы несколько раз.

Всем нужно понимать свою историю, а нам особенно. Конечно, едва ли возможно понять нашу историю так, чтобы восприятие ее опыта уберегло нас от «ошибок» в будущем. Однако понимать нужно. В этом случае периодика русского зарубежья станет одним из зеркал нашего самопознания. Она являет собою взгляд на нашу советскую историю с ее строительством прекрасного будущего со стороны — со стороны знания, ценностей, быта, привычек прежней, досоветской России, в недрах которой каким-то образом состоялось зачатие и рождение СССР. Хорошо, что есть свидетельства со стороны отцов и матерей наших, которые чудесным образом выжив в революции и гражданской войне, оказавшись на безопасном расстоянии от Советской России, стали рассказывать о ее рождении и росте. Находясь в недосягаемости для левиафана, они свидетельствовали о нем свободно, повинувшись лишь запросам своего сердца.

Но не поторопимся с таким утверждением. Сердца побежденных так же, как и сердца их победителей были отравлены революцией и братоубийством гражданской войны. Только победители остались на родной земле под родным небом и со своим народом, а побежденные были этого лишены. К ранам

революции и гражданской войны прибавилась еще одна — существования без России, без родины.

В 1918–1922 годах Советскую Россию покинули более 2,5 миллионов человек. Тяготы их беженской жизни (они, вернее, должны быть названы беженцами) были во всем — повседневности, от житейского уровня до политико-юридического статуса в чужом государстве. Бездомные и, в огромнейшем большинстве своем, безденежные, они ищут возможности трудиться и обеспечить простое проживание, вырастить детей и дать им образование, достойно проститься с ушедшими... А здесь — чужой язык и незнакомые нравы, да еще на каждое действие необходимо доказательство от документа... даже при доброжелательном отношении со стороны принимающего государства. Состоявшаяся организация жизни русских беженцев за границей может быть, пожалуй, названа их достижением. Оно же, в свою очередь, стало потому возможным, что образованная часть беженцев не рассматривала Европу как нечто неведомое или чуждое. Она была знакома с политико-правовой культурой Европы, с ее наукой и литературой, и многие из беженцев начинали это знакомство с обучения в европейских университетах. Имеются данные, что на начало 20-х годов более 70% беженцев принадлежали либо к людям интеллектуального труда, либо не имевшим специальности вообще, то есть тех, кто в прежней России мог жить на правах членов семьи. Очевидно, однако, что всех беженцев, включая и 30 недостающих процентов, объединяли язык, обида за ушедшую Россию, представшую перед ними в непонятном облике СССР — новой страны, из названия которой исчезло прежнее имя. Все беженцы, а не только наиболее образованные, определенно испытывали самую острую нужду узнать о себе — о своем рассеянии, о положении в странах рассеяния, о, быть может, возможном улучшении своей новой жизни... Так возникала русская журналистика за рубежом в самых разнообразных обличьях — от традиционных «толстых» журналов и ежедневных газет, до каких-либо «ежедневных обзоров» и разного рода бюллетеней, выходивших по случаю какого-либо события. Издания появлялись как бабочки-однодневки. Не успев расцвести, они быстро увядали. Скоро по достижении некоторой бытовой стабильности в принимающих странах у беженцев появляются разного рода общественные организации, что придавало новые импульсы развитию русскоязычной журналистики. Беженцы соединялись, начав сознавать себя принадлежащими какому-то единству, наследующему традиции ушедшей России, и уже потому противостоящему России Советской. Формировалось единое социокультурное пространство. Создавалась параллельная СССР зарубежная Россия. Цели ее осознавались — выжить, сохраняя в себе Россию, внимательно следить за коммунистическим экспериментом и бороться с ним, с его авторами и функционерами, чтобы, наконец, вернуться в свою Россию. Цели были сформулированы ясно — они были патриотическими и антисоветскими. Проблемой оставались средства их достижения. Уже в первые годы беженства выявились две позиции. Одни считали коммунизм болезнью русской души и надеялись, что со временем может состояться самоизлечение народа. Эмиграция должна способствовать этому процессу. Другая позиция предполагала активную борьбу с советской властью. Наиболее последовательные сторонники этой позиции заходили до-

статочно далеко, что было показано их поведением в 1941–1945 годах, когда они предложили свои антисоветские услуги гитлеровцам.

* * *

Полагая себя посланниками русской культуры на Западе, ее законным наследником и продолжателем, русская эмиграция была ревниво внимательна к вопросам культурного строительства в Советской России. Выбор изданий для тематической росписи был крайне затруднен не столько огромным количеством газет и журналов, выходявших в русском зарубежье (в «Сводном каталоге русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий»^{*} только в библиотеках Санкт-Петербурга числится 446 журналов и 122 газеты), сколько самим предметом библиографической росписи — соприкосновение культур двух различных социальных миров на протяжении почти двадцати лет. Содержание любого из периодических изданий русского зарубежья было, по существу, точкой, в которой пересекались культуры двух миров — прежней императорской России и новой России, дерзнувшей на коммунистический эксперимент, началом которой стала разрушительная революция. Точка или место пересечения культур определялось позицией редакции издания — ее принадлежностью какой-либо общественно-политической позиции. Но жизнь периодического издания зависела от подписчиков — читателей, а следовательно, от того, насколько эта позиция была ими востребована, соответствовала их ожиданиям. Между тем, в русском зарубежье незначительное число журналов и газет выходило в течение пяти-десяти и более лет. По-видимому, редакции четырех журналов: «Время России» (1922–1932 гг.), «Новая Россия» (1936–1940 гг.), «Русская мысль» (1921–1929 гг.), «Современные записки» (1920–1940 гг.) — сумели найти среднюю позицию между партийностью и интересом подписчика. Специализированный журнал «Русская школа за рубежом» (1923–1931 гг.) самым непосредственным образом соответствует проекту нашего издания. Два оставшиеся издания — «Новый град» и «Русские записки» — следует рассматривать в качестве филиалов или ответвлений «Современных записок». Краткие характеристики названных журналов могут быть сведены к следующему.

«Русская мысль». Как известно, журнал был возрождением того петербургского — петроградского журнала, которым П. Б. Струве руководил с 1907 по 1918 годы и сделал его одним из лучших в России. Теперь настали другие времена, но Струве настаивал: редакция «будет осуществлять ту же задачу, которой она служила всегда: «быть органом свободной русской национальной мысли, политической и культурной», которая сможет «осознать, осмыслить обрушившуюся на нашу страну несчастья и катастрофу» и «сплотить вокруг себя все живые духовные силы, преданные идеалу органического национального возрождения России, ее государственности и культуры». Журнал, пожалуй,

^{*} Эти данные могут быть дополнены другими. На 46-й странице «Очерков истории образования и педагогической мысли Российского зарубежья (20–50-е гг. XX в.)», изданных в Саранске в 2000 году, указано, что «в период между двумя мировыми войнами за рубежом выходило 1435 наименований русских журналов и газет по различным отраслям знаний.

можно назвать последним залпом последней битвы гражданской войны за Крым (1921 г.). Национальный либеральный консерватизм в его непримиримой противоположности мировому коммунизму был идеологической опорой журнала. Программные задачи журнала определялись и выражались в первую очередь в выступлениях самого редактора: «Историко-политические заметки о современности», «Социализм. Критический опыт», «Прошлое, настоящее и будущее. Мысли о национальном возрождении России» — и близких ему публицистов и политиков — С. С. Ольденбурга, К. И. Зайцева, В. Б. Ельшевича. Среди авторов журнала — философы Г. А. Ландау, П. И. Новгородцев, Е. В. Спекторский, Г. В. Флоровский, социологи — Н. С. Тимашев, историки — А. А. Кизеветтер, П. М. Бицилли. Как и в прежнем издании, в зарубежной «Русской мысли» большое внимание уделялось художественной литературе в новой России. О ней пишут А. Г. Левенсон, К. В. Мочульский, П. Н. Савицкий и др. Широкое панорамное видение русской культуры, расколотой революцией, было предложено в статьях К. И. Зайцева, А. Д. Семенова-Тянь-Шанского, П. Б. Струве и др.

«Воля России». До обретения журнального формата «Воля России» была сначала газетой, а затем еженедельником; одно время выходила раз в полмесяца. Особенности ее содержания определились тем обстоятельством, что Прага стала пристанищем левой социалистической эмиграции. Не прошло и пяти лет от начала выхода, как из редакции сначала ушли правые эсеры (В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский и др.), а потом и центрист В. М. Чернов. Пришли левые — В. В. Сухомлин, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский. Группа «Воли России» принимала русскую революцию позитивно, как состоявшийся факт русской истории, но в какое-то время свернувшей с пути демократического движения. Оттого и отношение к Советской России было если не позитивным, то понимающим. Нужно не пытаться реставрировать старое, а искать возможности для исправления состоявшегося отклонения от правильного социализма. «Журнал стремится идти в русле русского народничества, — поясняла редакционная статья, — пытаюсь в свете его основных идей осознать и усвоить опыт революции». Журнал звал беженцев стать «лицом к России». Будучи продолжателями народнических традиций, учитывая своеобразие русского пути, редакция все же видит будущее России «на путях связи с западной культурой» и «активного участия» ее в мировых процессах. Естественно, что идеологическая линия группы «Воля России» обеспечивалась многочисленными статьями ее «левых вождей». Журнал вел полемику со своими «правыми» сотоварищами по эсеровскому движению об отношении к советской власти и к большевизму, но не опускался до уровня их «сменовеховского» притягивания.

Поворот «лицом к России», помимо прочего, означает большое разнообразие материалов о советской жизни — быт, церковь, молодежь, жизнь окраин, семья и брак, общественное построение и т. п. Читателям были интересны обзоры советской жизни Тукалевского В. Н., Чернова В. М., «Впечатления нелегального» Глеба Гонцова, записки Вл. Лебедева, сумевшего с чужим паспортом проехать по России в год «великого перелома». Точно так же было большим количеством советской художественной литературы на страницах «Воли России» — Н. Асеева, И. Бабеля, Л. Леонова, В. Маяковского, Б. Пастернака. Журнал следил за жизнью советской литературы очень внимательно (обзоры

литературы, деятельность писательских организаций), огромное количество рецензий на советскую литературу, хроника литературной жизни. Политический деятель, публицист М. Л. Слоним обнаружил в «Воле России» выдающийся талант литературного критика. Поражает количество рецензий и откликов на советскую литературу — не только художественную, но и научную.

«Современные записки». Это — самый долговечный и самый известный из «толстых» журналов русского зарубежья. Он был свидетелем всей межвоенной эпохи (1920–1940) русского зарубежья, Европы, Советской России — Советского Союза (Правда 19–22.XI). Вышло 70 книг его, тиражом в 2000 экземпляров. Его читали в самых разных местах русского зарубежья, но и в СССР — тоже (поступало 25 экземпляров — в библиотеки и к советским и партийным деятелям). Издание было общественно-литературным, и редакция выдерживала нужное соотношение двух сторон своей деятельности. Известно, что название журнала производно от названий двух выдающихся демократических изданий в России XIX века — «Современника» и «Отечественных записок». Сначала редакция была чисто эсеровская, то есть народническая, социалистическая и демократическая, но — правого крыла этого движения, в отличие от эсеров «Воли России». Каждый из редакторов ко времени «Современных записок» имел героическую биографию выдающегося представителя эсеровского движения.

В заявлении «От редакции» была изложена платформа журнала. «Современные записки», — подчеркивала редакция, — посвящены прежде всего интересам русской культуры. «В самой России свободному независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действительного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей». Эта ответственность обязывала редакцию предоставлять страницы своего издания всему, «что в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала было объективно ценным с точки зрения русской культуры».

Редакция провозглашала идею единства России — федерации народов, всенародного республиканского парламента в форме Учредительного собрания, законом гарантирующего политические и гражданские свободы, всеобщего избирательного права, передачи земли трудящимся, права на труд и охрану труда. Противник этой программы не мог рассчитывать на участие в журнале. Однако заявленные редакцией антибольшевизм и антисоветизм были с очень широкими и плохо определенными границами. В их пределах могли быть — и были — свои «правые» и «левые»; в конце концов, практика работы журнала выводила его на центристскую политическую позицию, не получившую своего окончательного выражения. Впрочем, это делало журнал в той или иной степени приемлемым для разных слоев эмигрантов.

Авторитет журнала и, более того, его продолжительное существование были обеспечены его литературным отделом. М. Алданов, А. Белый, Б. Зайцев, И. Бунин, Д. Мережковский, И. Шмелев, М. Осоргин, В. Набоков, Г. Газманов и другие представители литературы русского зарубежья. Блистал именами отдел

литературной критики — Г. Алданов, З. Н. Гиппиус, Д. Святополк-Мирский, К. Мочульский. Выдающиеся мыслители и знатоки мировой культуры П. Бицилли, В. Вейдле, Ф. Степун и Г. Федотов рассматривали русскую историю в контексте мировых судеб и в катастрофической реальности современности и тем привлекали внимание читателей. Аналитику современной советской жизни взял на себя убежденнейший антисоветчик М. Вишняк. Проблемы советского хозяйства и социальной структуры рассматривали Б. Бруцкус и С. Загорский. «Неправильный» советский социализм сопоставляли с правильным Португейс С. и Н. Херасков.

Полное неприятие советской государственности не мешало следить за жизнью культуры в СССР — празднование пушкинского юбилея, ликвидация беспризорности, состояние советской школы, советских газет, съезды ВКП(б), пионерской организации, философия и востоковедение. Все статьи снабжались разными дозами критики изображаемого. За двадцать лет существования журнала в нем было отрецензировано более двухсот советских книг самого разнообразного содержания.

«*Новый град*». Издание было задумано в 1926 г. одним из редакторов «Современных записок» И. И. Бунаковым (Фондаминским), которого не удовлетворила философски-мировоззренческая индифферентность «Современных записок» в их осмыслении русских событий. Разделявшие его соображения сотрудники «Современных записок» Г. П. Федотов, а затем Ф. А. Степун также признавали, что целостному социально-активному материалистически-атеистическому мировоззрению большевиков необходимо противопоставить столь же целостное социально активное христианское мировоззрение.

«Новый град» заявлял, что ни редакция, ни авторы не составляют партии или политической группы, но привержены известному духовному единству, «вечной правде, правде личности и ее свободе», «воле к новой организации жизни», «правде общежития». Более отчетливо принципы этого единства были названы Степуном: 1) либеральная идея политической свободы; 2) социалистическая идея общественно-хозяйственной справедливости; 3) христианская идея абсолютной личности..

В таком характерном для русской журналистики в целом «направленческом» духе «Новый град» выходил под редакцией Бунакова (Фондаминского), Степуна и Федотова. Журнал представлял то направление «пореволюционного» сознания, которое надеялось на «самоизживание» коммунизма. Свою цель редакция видела в выработке целостного мировоззрения, в котором признается абсолютная (религиозная) ценность свободы личности, и в воспитании социально активного человека, руководствующегося христианским мировоззрением.

Совершенно не случайно, что журнал стоял у истоков «Православного дела» матери Марии. Редакция хотела наметить контуры социально-экономического и культурного облика будущего мира. Так, например, И. Бунаков полагал, что постбольшевистское хозяйство не будет советско-крепостным, но и не станет свободно-капиталистическим Отталкиваясь от социальной практики и капитализма, и социализма, журнал проявляет интерес к социально-экономическому реформаторству в различных странах, не исключая учета опыта Советской

России, за что оппоненты «Нового града» упрекали его в просоветизме. На такие упреки отвечал Ф. Степун в пятой книге.

Естественно большое внимание журнала к реалиям советской жизни. Природу ее хозяйственного строя рассматривали И. Бунаков, С. Гессен, П. Савицкий. Советской молодежи посвящена редакционная статья № 1 за 1932 г. и пятая беседа в обществе «Круг» (№ 11). Проблема семьи и брака затронута в статье Ф. Степуна. О советской школе дважды говорил С. Гессен. В статье «Сумерки отечества» Г. Федотов утверждал, что страна и сейчас сохранила статус третьего культурного материка между Европой и Азией, а П. Савицкий подтверждает, что СССР на 90% живет культурой XIX века.

Осознавая литературоцентричный характер русской культуры, «Новый град», рассматривая вопросы литературы, выдвигал на первый план проблему взаимоотношения художника и общества, свободы и социальной ответственности литературы. Из произведений собственно литераторов «Нового града» были напечатаны статьи М. Цветаевой «Лирика и эпос в Советской России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак» (№ 6 и 7) и отрывок из романа В. С. Яновского «Портативное бессмертие» — под названием «Доклад Свифтсона», в котором отражена основная идея «Нового града» о необходимости воспитания «человека «Нового града», унаследовавшего традиции русской интеллигенции, всегда устремленной к устройению Царствия божьего на земле.

Об отношении писателей к новоградским требованиям дают представление отчеты о заседаниях литературного общества «Круг», печатавшиеся в 10-м и 11-м номерах журнала.

«Русские записки». Общественно-политический и литературный журнал выходил в Париже в 1937–1939 гг. Вышло 19 его книжек (с двумя сдвоенными номерами). Журнал был «дочерним» предприятием «Современных записок» и поначалу редактировался теми же лицами, кто руководил и парижским журналом, то есть Н. Д. Авксентьевским, И. И. Бунаковым (Фондаминским), М. В. Вишняком и В. В. Рудневым. Только местом издания значилось экзотическое «Париж-Шанхай». Новый журнал появился по просьбе русской эмиграции в Китае. Она высоко ценила «Современные записки», но находила их тематику далекой от жизни русской эмиграции на Дальнем Востоке. Новый журнал стал выправлять положение, поместив об этом статьи Н. Лидина и И. Бунакова (Фондаминского). С апреля 1938 г. «Русские записки» обрели нового редактора — П. Н. Милюкова, а секретарем редакции стал М. В. Вишняк. Новая редакция стала актуализировать материалы, оповещая о современных событиях в мире, даже публикуя хронику тревожных событий, приближающих к войне.

Очевидна главная направленность интереса редакции к масштабным социально-культурным процессам, происходившим в СССР (пятилетку и изменение социальной структуры в стране оценивал Е. Юрьевский, сталинскую конституцию и право — Л. Торопецкий, А. Керенский и Е. Кускова, феномен советской бюрократии — П. Берлин, политические репрессии — П. Берлин и Б. Суворин, Красную армию после чистки — Э. Воленбург и т. п.). По общим проблемам истории русской культуры и ее современному состоянию выступали Г. Федотов и Н. Алексеев. О советской литературе дважды выступил в журнале Г. Адамович; он же дал обзор мемуарной прозы А. Белого, вышедшей в Москве.

«Русская школа за рубежом». Этот журнал, безусловно, не идет по ведомству популярных и общедоступных изданий. Это — специализированное педагогическое издание. Но оно существовало почти десять лет (1923–1931 гг.) и, значит, было востребовано — скорее всего, по единственной причине — в семьях беженцев из России были дети... В странах русского рассеяния появляются школы, где они будут учиться. Буквально, на голом месте, на чужбине: языки, обычаи, еда даже одежда — все не как дома, все не как в России. Появляются школы, между этими школами существует незримое единство — единство устремления к России. «Ибо, — говорилось в редакционной статье, — чем иным живут зарубежные школы, как не мыслью о России...» Редакция продолжает: «...во имя чего столько страданий физических и моральных, как не во имя сохранения тех, кому суждено вернуться в землю обетованную? И вот наша первая задача — работать над возможно большим объединением зарубежных школ, русского зарубежного учительства... Мы искатели. У нас нет готовых формул. Наш девиз: свободная школа».

Журнал ставил своей задачей освещение жизни школ за рубежом, помогая педагогам ориентироваться в новейших направлениях современной педагогики. Редакция — выдающийся философ педагогики С. И. Гессен, выдающийся лингвист и педагог С. И. Карцевский и их коллеги — наметили шесть постоянных разделов (общая педагогика, народное просвещение в СССР, русская зарубежная школа, народное просвещение в Западной Европе и Америке, вопросы методики, библиография). Информация о процессах в советской педагогике и системе народного образования подавалась весьма разнообразно — с хроникальных заметок и перепечатки разного рода документов советского наробраза до обобщающих статей о его практике. Поразительно, что менее чем 10 лет, выйдя 34 номерами, журнал поместил свыше 200 рецензий на книги по педагогике, методике преподавания и детскому чтению, изданные в СССР.

Чтение журнала не оставляет сомнений в том, что его авторы хотели быть объективны в отношении образовательной ситуации в СССР. Иное дело, что выдерживать нужную объективность было трудно просто потому, что в революционные двадцатые годы советская система образования находилась в неустойчивом положении. Очевидно, что многое не было понятно авторам «Русской школы» — и конечная цель советского образования — подготовка полезного во всех отношениях будущего участника социалистического строительства, и педагогическое экспериментаторство, не имевшее никаких научных оснований, и, наконец, классово-политический подход как в содержании образования, так и в демонстрируемых привилегиях (или, напротив, препятствиях) при поступлении в высшее учебное заведение. Анализ общего образования в СССР двадцатых годов был дан в статьях А. Бема, С. Гессена, Б. Никольского, М. Новикова, Н. Новожилова, А. Павлова и др.

Журнал исследует советскую систему образования на различных уровнях ее организации — ликвидация безграмотности и борьба с беспризорничеством, типы школы, профессиональное образование, содержание учебных программ (математика, естествознание, литература), состояние педагогической мысли, положении шкраба, то есть школьного работника, то есть учителя. Обнаруженный при этом идеологизм в жизни советской школы делал нормы русской

дореволюционной школы более привлекательными. Уже само обращение к ним делало возможной более правильную оценку современного образования в СССР. Журнал почитают как бесспорно, лучший педагогический журнал в эмиграции.

«**Новая Россия**». Это издание было основано и руководимо А. Ф. Керенским и выражало политическое мировоззрение правых эсеров. Редакция формулировала свою позицию относительно современности следующим образом. Девятнадцать лет, прошедшие с революции, радикально изменили страну: «сменились поколения, перевернулась структура страны, исчезли бесследно целые классы населения. Вечная сущность России, преодолевая все над ней производимые идеологические жесточайшие опыты, ищет новых форм своего бытия. В этом весь смысл ныне происходящих событий в СССР. Из ленинского “плацдарма мировой революции”, пройдя Голгофой сталинской пятилетки, Россия превращается в народное государство. Эти два слова уже сказаны Сталиным...» Но редакция знает, что народное государство может быть только государством свободным. Потому у издания есть одна задача — «освобождение человека и раскрепощение существующего в стране хозяйства», то есть «уничтожение нового крепостничества во всех его видах». Третьей задачей «Новой России» стала «охрана исторического достояния России». В этих границах возможные авторы «Новой России» идут своим собственным путем: «Христианин и безбожник, эллин и иудей, народник и марксист, социалист и демократ — все мы, во многом разные, в одном — едины: в борьбе за раскрепощение России, за освобождение человека, за создание нового очеловеченного социального строя».

Особенность «Новой России», так благоприятно выделяющая издание из уже названных — пристальное внимание к текущим событиям советской жизни и быстрая реакция на них. Лучше всего об этой особенности скажет рубрика «Голос издалека», которую вел А. Ф. Керенский. Перечислю оглавление рубрики в особенном для советских людей 1937 году: «От Ленина к Сталину» (№ 19), «Пушкин» (№ 21), «Самоуничтожение ленинизма» (№ 22), «Двадцатая годовщина» (№ 23), «Новый русский царь. Некоторые итоги сталинизма» (№ 32), «Идеальный студент по Сталину» (№ 34), «Расправа с духовенством» (№ 37). Была рубрика «Критики советской жизни». Она давалась без подписи. Вот одна из картинок того же 1937 года: «Догоняют и перегоняют. Демократия при содействии милиции. Пропихивают подписочку. Кто сильнее — нарком или конституция». Но когда стало все яснее, что мир готовится к войне, журнал занимает отчетливо выраженную патриотическую позицию. Помимо названных, в журнале выступали Г. Адамович, М. Алданов, Н. Алексеев, Н. Бердяев, П. Берлин, М. Вишняк, З. Гиппиус, В. Зензинов, Е. Извольская, Г. Федотов.

* * *

Самодержавная и синодальная Россия не выдержала невольного соседства с капиталистической Европой. Она заболела революцией и вошла в Европу XX века февральским кризисом 1917 года. Большевики дважды спасли Россию — первый раз в Брестском мире, после чего сковали революцию обручем коммунистического самодержавия, а второй раз, когда организовали советский

народ для отпора фашистской Европе. Но спасение России дорого обошлось ей. Мало того, что она раскололась на зарубежную и советскую Россию, главным было то, что тенденция раскола сохранилась и одействовалась снова, прежде всего, в расколе славянского ядра России в 1989 году. Сейчас воспитанники византийско-коммунистического СССР, вполне войдя в ореол современного капитализма, прилагают гигантские усилия по сохранению исторически сложившегося союза неравномерно развитых регионов постсоветской России. Они лихорадочно ищут скреп этого конгломерата. Дай Бог им сил!

Задачи рядовых участников исторической драмы России значительно скромнее. Указатель статей, заметок и рецензий в семи журналах русского зарубежья, посвященных культуре, науке и образованию в Советской России — СССР, имеет скромную цель — напомнить о единстве русской культуры, которое однажды было нарушено в феврале-марте 1917 г. Если культура, то есть свободное творчество, является способом существования человека и его целью, то такое напоминание в наши дни вполне уместно. Имея в виду историософский подтекст событий русского столетия от 1812–1814 до 1914–1917 гг., которые привели к образованию двух России — советской и зарубежной, составитель отказался от формального культурологического подхода к предметному указателю. Попытки авторов русского зарубежья осмыслить революцию 1917–1921 гг. и последующую жизнь континентальной Советской России неизбежно выводили их на проблемы философии истории вообще и, их философское россиеведение, в особенности. После этого, после удовлетворения неистребимых потребностей русских авторов в осмыслении вечных русских проблем они начинают переживать за состояние и судьбы экономики, социальной структуры, политико-правовой жизни, культуры (в целом), науке (в целом), просвещения (в целом), а потом уже — события, факты, имена.

Задача указателя скромна — только облегчить труд современного россиеведения. Указатель адресует историка русской культуры и только систематизирует статьи и заметки авторов русского зарубежья о событиях культуры, науки и образования, состоявшихся в Советской России — СССР двадцатых-тридцатых годов XX века.

Что касается авторов или аналитических статей о культурном процессе в СССР, или простейшей о нем информации, то ли историко-культурных обобщений о его будущем, то ли рецензий о какой-либо советской книге, то ими были самые разные представители дореволюционного культурного расцвета, сорванного народной революцией октября 1917 года и гражданской войной, — неизвестные, не очень известные и, наконец, известные каждому гуманитария. Убедиться в этом легко, лишь взглянув на указатель имен, расположенный на последних страницах нашей книги — от А. Н. Бердяева, до С. Я. Эфрона и А. С. Яценко. Как внимательно они следили за культурой Советов — иногда восхищаясь, чаще — негодуя, а еще чаще — осуждая ее или за идеалистический утопизм, или — что становилось все чаще — за то, что, существуя в условиях несвободы, она сама пропитывается несвободой.

В указателе названо более 1500 статей, заметок и рецензий, отразивших значительный круг самых разных сторон и моментов культурного развития первого в мире социалистического государства за первые двадцать лет его

существования. Время небольшое — даже по меркам жизни одного человека. За столько лет человек входит в юношеский возраст и или овладевает профессией, или еще учится в институте. Столь краткие годы, охваченные указателем, разрешают говорить только о зарождении новой культуры. К тому же было бедой, что революционное исполнение лозунга «кто был ничем, тот станет всем» привело к тому, что новая страна в одночасье лишилась почти всей своей учительской силы — элиты художественной, научной и технической интеллигенции, с трудом возвращенной петровской Россией.

В сущности, культурное строительство нужно было начинать заново — с ликвидации неграмотности и использования тех культурных богатств, которые были пригодны для послепетровской советской России. При этом строителям новой культуры нужно было тогда же разрешать множество задач по выживанию, то есть задач хозяйственного, социального и военно-политического характера. Выживание как внекультурная задача определила подход к задачам культурным и решение этих последних. Этот императив при учете культурного уровня народа, призванного к социальной ответственности, провоцировал «организованное упрощение культуры», что часто становилось предметом негодования или шуток зарубежной России.

Согласимся, что любое культурологическое исследование предполагает уяснение исторической обусловленности и социально-экономической среды культурного развития, а в 20–30-е годы XX века — его политической составляющей, оставшейся в наследство от гражданской войны. Не только большевистские победители строго и во всем следили за верностью революции и новой власти, но и эмиграция жила антикоммунистической и антисоветской политикой и сидела на нераскрытых чемоданах, лелея мечту о реванше. Изображение советской культуры в журнале «Современные записки» корректировались острыми антисоветскими обзорами М. В. Вишняк «На родине». В «Воле России» подобную функцию исполняют статьи В. М. Чернова, Е. А. Сталинского, В. В. Сухомлина, а в «Новой России» — А. Ф. Керенского.

Поэтому пользователя нашим изданием не может удивить структура предметного указателя, предполагающая две его части. В первую часть вошли статьи о культурно-исторических предпосылках и социально-политической среде рождения советской культуры. Статьи, заметки и рецензии, рассказывающие о собственно культурных полях Советской России — от литературы до внешнего образования, — вошли во вторую часть предметного указателя.

Взгляд эмигранта на советский культурный процесс преимущественно критический. Даже признавая необходимость того, что дала Советская власть в области культурного строительства, исполнение последнего они находили большей частью неудовлетворительным. По-иному, похоже, и быть не могло. Жестокая революционная Советская Россия, которая их оттолкнула, не была их Россией.

Однако советская история подсказывает, что хилиастическая устремленность марксистской идеологии оказалась созвучной традициям русского сознания. Она была столь вдохновляющей, что цивилизованное единство советского государства, общества и культуры состоялось без участия русского зарубежья. Два события мировой истории XX века — победа над фашизмом в Великой Отечественной войне и начало освоение космоса — подтверждают этот тезис.